

Сказка С. Топелиуса " Как портной пришел Финляндию к Швеции "

Звали его Тикка. Ну, того самого портного, ты его знаешь, маленького веселого паренька, который умел пришивать пуговицы так, что они не отрывались даже тогда, когда честный крестьянин, бывало, наестся досыта. Все любили этого портного – прилежного, аккуратного и непьющего. Лучшего портного и не пожелаешь! Правда, был у него, бедняги, один грех, да только не по его вине.

Меньше Тикки ростом во всем селении никого не было. Человек добродушный, он смеялся вместе со всеми, когда высмеивали его маленький рост. Но про него не скажешь, что он из тех, кто мог стерпеть все, что угодно. Однажды Харьюс Мортен, огромный, грубый детина, обвинил Тикку в том, что он–де украл два локтя домотканого сукна, которое предназначалось на куртку Мортену. Тикка тут же выгнал Мортена из горницы, швырнув в него поленом, да так проворно, что не успел Мортен опомниться, как уже барахтался на четвереньках в снежном сугробе.

И еще один человек терпеть не мог Тикку. То был Никку, сельский музыкант. Тикка умудрялся так же бойко играть на гармонике, как Никку на своей скрипке.

Когда сельские мальчишки играли в волчок на проселочной дороге воскресным полднем, а девушки веселились на лужайке близ лачуги Тикки, Тикка садился на сосновый пенек у озера и играл так, что даже кусты можжевельника пели. Девчонки начинали плясать, волчок вертеться, а рыжий петух с торпа Вииттала так хлопал крыльями, словно собирался взлететь. Никку сидел багровый от зависти и ждал, что его попросят сыграть какой–нибудь танец. Но никто его не просил, всем куда больше по душе была гармоника Тикки.

Однажды летним вечером Тикка вот так же играл девушкам из селения и вдруг подумал: ведь ему уже тридцать лет, скопил немало денег он своей проворной иглой. Почему бы в таком случае не жениться? Девушки, правда, подшучивали над маленьким портным, но все–таки любили его. Стало быть, дело только за тем, чтобы выбрать хорошую невесту. Раздумывал Тикка недолго. На примете у него были две девицы: самая маленькая и самая высокая во всем селении. Одна из них и должна была стать его женой. Крошечная, милая, кареглазая Майу, дочь Виитталы, самая маленькая в селении, была ничуть не выше Тикки, и с тех самых пор, как ей исполнилось семь лет, их связывала крепкая дружба. А самой высокой светловолосой Нилле из усадьбы Антилла стоило лишь выпрямиться, и Тикка уже с трудом доставал до тесемок ее фартука; но их тоже связывала крепкая дружба.

Парни маленького роста любят высоких девушек. Вот Тикка и решил посвататься к Нилле: девушке статной, да к тому же и богатой. Нарядился он в праздничную одежду, вставил цветок подсолнечника в петлицу и отправился в усадьбу Анттила. Нилла посмотрела на него с высоты своего роста так, как колокольня смотрит на стог сена, похлопала по плечу и спросила, что он собирается сделать, чтобы заслужить ее благоволение.

– Все, – ответил Тикка.

– Ну ладно, – сказала Нилла, – когда я поеду в церковь, мне понадобится мягкая меховая полость. Поймай четырнадцать лисиц, сшей мне полость из лисьих шкур, и я подумаю.

Тикка был искусный охотник. Вскоре он поймал четырнадцать лисиц, сшил из их шкур меховую полость и отнес ее Нилле.

– Хорошо, – сказала она, – но мне понадобится еще свадебное покрывало, да к тому же красивое–прекрасное! Поймай триста дятлов, поскольку тебя зовут Тикка, а Тикка означает дятел, – сшей из их хвостовых перышек покрывало, и я подумаю.

Сказано – сделано. Поймал Тикка триста дятлов, сшил из их хвостиков мягкое как шелк свадебное покрывало и отнес Нилле.

– А покрывало и в самом деле недурное, – сказала Нилла, – но пойми, чтобы пойти к венцу, мне нужен красивый убор. Поищи в реках жемчужниц да собери мне такое жемчужное ожерелье, которое бы два раза обвило мою шею, и я подумаю.

Тикка посмотрел на Ниллу снизу вверх так, как стог сена смотрит на колокольню, и призадумался: этот наказ был потруднее двух прежних, но тем не менее Тикка отправился в путь. На целых два прекрасных лета пропал из селения маленький портняжка. Словно угорь зарывался он в речную тину, словно золотоискатель промывал песчаное дно озер и наконец собрал жемчужное ожерелье, которое два раза могло бы обвить шею девушки. Взял он ожерелье и отправился к Нилле.

– Ну, теперь подумаешь о моем предложении? – спросил он.

Нилла взвесила на руке жемчужное ожерелье, примерила его, обвив вокруг шеи, и наконец ответила:

– Спрошу–ка я теперь отца.

И стали отец с дочерью советовать, как бы им избавиться от неотесанного портного.

– Тикка, – сказал наконец хозяин усадьбы Анттила. – Ты парень хоть куда: упорный и на великие подвиги горазд. Так вот, видишь ли, есть у меня сестра и выдана она замуж в Швецию; вот и хотелось бы мне узнать, как она там поживает. Но уж слишком далеко отсюда, да и трудно переплыть море. Раз уж ты такой расторопный да умелый портной, пришей–ка ты Финляндию к Швеции наискосок через Ботнический залив, да так, чтобы мне, не переплывая море, поговорить с сестрой. А когда дело будет сделано, а отдам тебе Ниллу в жены.

Тикка призадумался. Стог сена еще раз взглянул на колокольню, а стог сена был вовсе не глуп. Тикка прекрасно понял хитрость хозяина усадьбы, еще раз подумал, стиснув зубы, а потом ответил, что, дескать, попытается.

Чтобы узнать, как поступить, Тикке много времени не потребовалось. Он пошел к старушкам из селения и наказал им сплести длинные канаты. Всю зиму старушки только и делали, что плели эти канаты. И наплели их столько, да таких крепких и длинных, что ни одна лодка не могла бы выдержать подобного груза. Пришлось Тикке нанять галеас. И вот однажды прекрасным летним утром он обвязал одним концом длинного каната сосну на финском берегу с тем, чтоб перекинуть другой его конец к сосне на шведском берегу. Кроме того, чтобы извлечь какую ни на есть выгоду от тяжких своих трудов, он раздобыл пять тысяч крючков, на которые ловят лососей, и нацепил на них наживку из салаки. Канат обещал принести богатый улов.

Ну так вот, поплыл Тикка на галеасе и кинул в воду свой канат. С погодой ему повезло. Случилось так, что всю неделю море было такое спокойное, словно простокваша в миске. Попытка Тикки удалась так великолепно, что уже через несколько дней он крепко обвязал другим концом своего длинного каната сосну на шведском берегу. На обратном пути Тикка осмотрел крючки и снял с них столько лососей, трески и камбалы, что устроил в ближайшем селении большую рыбную распродажу и с лихвой окупил свой длинный канат. После этого пошел Тикка в усадьбу Анттила и сказал хозяйну:

– Здравствуй, тесть. Я пришел Финляндию к Швеции. Отдай мне Ниллу в жены.

Хозяин немало удивился. Но был он хитер да пронырлив и быстро нашелся, что ответить.

– Славно, хорошо, что ты пришел нас к Швеции, но одного еще только недостает. Не могу ведь я спросить твой длинный канат, как поживает моя сестрица.

– Как ее зовут и где она живет? – спросил Тикка.

– Моя сестра, мадам Андерссон, живет в городе Эрегрунд прямо против нас, на другом берегу моря. Ты ведь можешь забросить ей крючок. Может, она схватится зубами за твой длинный канат.

– А если я соединю нас со Швецией так, что ты, дорогой батюшка, сможешь задать вопрос, как поживает твоя сестрица, получу я Ниллу в жены?

– Ну, это уж точно, заметано, свадьба будет в день Святого Михаила, – с довольной ухмылкой сказал старик, уверенный, что снова надул портного.

Тикка дал понять: ему–де нужны свидетели этого обещания.

– Двадцать, коли хочешь. В доме полно народу, который вернулся из церкви.

И хозяин усадьбы Анттила, смеясь, рассказал всем прихожанам о своем обещании.

Харьюс Мортен, который тоже положил глаз на Ниллу и случайно оказался среди прихожан, сказал Никку, музыканту:

– Давай подкараулим, когда в день Святого Михаила он придет свататься к Нилле. Тогда я уведу ее прямо у него из–под носа, а ты исполнишь свадебный марш,, чтобы выгнать Тикку.

Никку, ясное дело, согласился сыграть такую веселую шутку, и оба недруга Тикки уговорились встретиться в назначенный день.

Тикка ходил мрачный как туча и все ломал голову, что ему делать. Не может же он выудить своим длинным канатом какую–то там мадам в Эрегрунде. А переплыть море, крепко–накрепко связать ее канатом и притащить сюда он тоже не может. Но Тикка слышал об удивительном новом устройстве, которое называется телеграф. С его помощью люди могут разговаривать между собой издали посредством проволоки. Проложи он такую проволоку через море в Швецию – и он одержит верх над хозяином усадьбы Анттила. Ничто не должно остановить храброго портного, который уже пришел друг к другу две страны с помощью пенькового каната.

"Еще один стежок, и дело сделано", – подумал озадаченный Тикка.

И решил он отправиться по белу свету и узнать, что же ему делать. "Ясное дело, я не могу задать вопрос и получить ответ с помощью

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

длинного каната, – думал он. – Верно, то, что люди называют телеграфом, должно быть какой-нибудь трубкой".

И стал спрашивать Тикка всех портных, какие только встречались ему на долгом его пути, что ж это такое телеграф. Никто толком ему ничего сказать не мог, и только в Нюстаде один из портных посоветовал:

– Сходи-ка в гавань. Там пришвартован небольшой пароход, который завтра выйдет в море с телеграфом на борту.

Тикка пошел в гавань, нашел небольшой пароход и увидел там большие бухты медной проволоки, которую готовились опустить в море.

– Можно мне поплыть с вами? – спросил Тикка капитана. – Я портной и уже однажды пришел Финляндию к Швеции.

– Раз ты такой славный малый, плыви с нами. Ты должен свершить еще один подвиг, – ответил капитан, который как раз случайно был в тот день в веселом расположении духа. На пароходе Тикка вместе с матросами разматывал проволоку. Пароход продвигался вперед, а телеграфный кабель тем временем постепенно сбегал с бухт в море. Пароход держал курс на запад, море порой менялось – то полный штиль, то сильное волнение. Если пароход шел медленно, кабель ложился легко, но когда налетал шторм, пароход набирал скорость, да такую, что, казалось, кабель вот-вот лопнет. Тикка неустанно следил за ним да трудился над еще одним своим великим портновским стежком. На третий день кабель был проложен и Швеция так крепко сшита с Финляндией, что шов этот еще и по сей день держится.

– Это счастье, что с нами был портной, – сказал капитан. – Отважный Тикка, ты заслужил награду. Чего ты желаешь?

– Я желаю, – ответил Тикка, – первым телеграфировать из Нюстада в Эрегрунд.

– Будь по-твоему, – таков был ответ. – В столь скромном желании отказать нельзя.

Пароход вернулся в Нюстад, и Тикка телеграфировал: "Крестьянин из усадьбы Анттила спрашивает, как поживает его сестра, мадам Андерссон, в Эрегрунде".

Через час пришел ответ: "Мадам Андерссон шлет привет и благодарит. Ей в горло попала лососья косточка, и мадам как раз возвращается от доктора, но теперь она поживает хорошо и пригласила мадам Рёрстранд на чашечку кофе".

– Выдай мне свидетельство, что я в самом деле получил эту телеграмму и что я пришел телеграфным кабелем Финляндию к Швеции, – попросил Тикка капитана.

Получил Тикка свидетельство и отправился назад в свое селение. Когда он проходил мимо торпа Вииттала, Майу мыла в ручье бидоны из-под молока. Работящая и веселая, такая нежная в своем бедном платье, стояла она у ручья и так по-доброму, так тепло смотрела на Тикку, который, весь в поту и пыли, шагал по дороге!

– О, до чего ж у тебя усталый вид, – сказала она. – Не хочешь ли немного сыворотки – освежиться?

Тикка не возражал, и Майу побежала за кружкой своей прекрасной свежей сыворотки. У них на торпе была корова.

– Откуда идешь? – спросила Майу.

– Из Нюстада, я пришел Финляндию к Швеции, а теперь иду требовать, чтобы в воскресенье в церкви огласили мою помолвку с Ниллой из усадьбы Анттила.

– Знаю, – вздохнула Майу. – Счастья тебе, дорогой Тикка! У тебя – богатая невеста.

– Майу, – спросил Тикка, – посватайся кто-нибудь к тебе, потребовала бы ты в подарок от жениха полость из лисьих шкур, покрывало из птичьих хвостиков и ожерелье из настоящего жемчуга?

– А на что мне такие побрякушки? – удивленно спросила Майу.

– Ну а посватайся, Майу, кто-нибудь к тебе, послала бы ты его как последнего дурака бродить по свету и заставила бы его пришить два государства друг к другу?

Майу засмеялась.

– Матушка послала бы его вычистить собственные сапоги и причесать чуб.

– До свидания, Майу.

– До свидания, Тикка. Счастья тебе!

Всю ночь в одинокой лачуге Тикка не смыкал глаз – все о сватовстве думал. Наутро, а был как раз день Святого Михаила, оделся Тикка понарядней, положил в карман свидетельство капитана и пошел в усадьбу Анттила. Никку и Харьюс Мортен были уже там, скрипка – настроена на свадебный марш, а все – в ожидании: какое будет необыкновенное веселье, когда Тикке откажут и под звуки музыки с позором выставят за дверь. Одна Нилла не радовалась. Отец хотел выдать ее замуж за Харьюса Мортена, которого она терпеть не могла. И она уже подумывала: может, она станет счастливей, если выйдет замуж за скромного портного.

Тут появился Тикка и храбро прошел в горницу.

– Доброе утро, батюшка. Я здесь, собственно, по праву и требую, чтобы ты выполнил свое обещание. Вот прихожане – свидетели того, что Нилла должна стать моей женой.

– Так-так, – произнес, скорчив, как обычно, свою хитрую рожу, старик. Никку же меж тем снова начал настраивать скрипку. – Стало быть, сестрица моя в Эрегрунде попалась-таки на крючок. Славно будет узнать, как поживает эта скромница.

Тикка вытащил телеграмму из кармана и прочитал: "Мадам Андерссон шлет привет и благодарит. Она подавилась лососьей косточкой и как раз возвращается от доктора, но теперь она поживает хорошо и пригласила мадам Рёрстранд на чашечку кофе".

– Это еще что такое! – воскликнул, побагровев от злости, старик.

Меж тем Никку так сильно провел смычком по струнам своей скрипки, что одна из них лопнула. – И не стыдно тебе насмеяться надо мной!

– Вот мое свидетельство, – сказал Тикка и протянул старику бумагу.

Все столпились вокруг хозяина усадьбы Анттила, чтобы разглядеть диковинный документ. Харьюсу Мортену, который не умел читать, пришлось расспрашивать других, что там написано. А там было написано, что портной Тикка пришел друг к другу обе страны с помощью телеграфного кабеля, проложенного через море. Там было написано, что он собственной персоной запрашивал по телеграфу, как поживает мадам Андерссон, и затем получил нижеследующий ответ. Так что Тикка вовсе не хитрил; изворотливый старик был пойман в собственные сети, и ему пришлось признать, что у Тикки законные права на Ниллу. Никку спрятал скрипку с лопнувшей струной под мышку и незаметно скрылся. Но Харьюс Мортен надменно заявил, что не намерен уступать дорогу такому вот ничтожеству. Нилла тоже должна сказать свое веское слово.

Нилла и в самом деле хотела сказать свое слово, но только в пользу портного. Колокольня нежнейшим взглядом смотрела теперь сверху вниз на стог сена и уже протягивала, словно два флагштока, свои длинные руки, чтобы обнять Тикку. Но он, отступив назад, сказал:

– Спасибо вам, батюшка, за то, что вы хотите отдать мне Ниллу в жены. Но дела нынче обстоят так, что я этого больше не желаю.

Слишком долго бегал я, как последний дурак, ради нее и ради вас по свету. Она слишком высока для такого малорослого парня, как я. Отдай ее в жены тому, кто больше ей под стать. Прощай, батюшка, прощай, Нилла. Останемся до конца добрыми друзьями.

Неожиданно стог сена исчез – будто ветром сдуло, и колокольня осталась одна в своем гордом величии. Прихожане шептались, поглядывая на старика, и скалили зубы. Старик так и затрясся от злости и с досады швырнул трубку. Ударилась о плиту его лучшая трубка да и разбилась. Беда ведь редко приходит одна.

Однако все в селении знали, что Тикка посватался к Нилле, но не все знали, что он отказался от своей невесты. Велико же было удивление, когда в воскресенье после дня Святого Михаила в церкви была объявлена помолвка портного, честного и овеянного славой Иошуа Тикки, с торпарской дочкой, честной и добродетельной Марией Вииттала.

– Вот парочка так парочка – одно конопляное зернышко женится на другом, – одобрительно кивали люди, – разве конопляное зернышко подходит к сосновой шишке, разве могут они ужиться в одном гнезде?

Тикка и Майу зажили счастливо. Одинакового роста – не надо одному смотреть сверху вниз на другого, одинаково работающие. Свою старую ветхую лачугу они починили и покрасили. На окошке у них цвели бальзамины, а три тучных коровы кормили Тикку и его жену молоком да маслом. Нилла же – колокольня – с досады вышла замуж за Харьюса Мортена, и хоть Никку и сыграл им свадебный марш, это счастья не принесло. Мортен промотал наследство жены, которое она получила после смерти богатого крестьянина из усадьбы Анттила, и заложил жемчужное ожерелье Ниллы за домотканую куртку у Тикки. Покрывало же из птичьих хвостиков использовали вместо пугала, а моль съела полость из лисьих шкур.

– Не плачь, Нилла, – сказала Майу. – Я сшила новую юбку твоей старшей дочке, а в следующее воскресенье приведи к нам вечером детей, они смогут сплясать сельскую польку под гармонику Тикки.

Так что колокольня по своей бедности стала ниже стога сена, хотя стог сена так и не дорос до высоты колокольни. А когда Тикка и Майу, маленькие и пригожие, словно куклы, семенили по церковному холлу, жители селения говорили:

– Два сапога – пара.

А Швеция и Финляндия пришиты друг к другу горами на севере, кабелем Тикки и многим-многим другим.